

Экономика

Инвестиционная стратегия Китая: уроки межкризисного периода (1998–2008 гг.)

© 2013

В. Балакин

Тщательное изучение опыта ведущих стран мира в создании благоприятного инвестиционного климата позволило китайскому руководству осознать, что сложившаяся международная экономическая система далека от совершенства и нуждается в глубоком реформировании, ибо наибольшие выгоды получают немногие постиндустриальные государства западного цивилизационного типа, тогда как развивающиеся страны вынуждены довольствоваться ролью «ведомых».

Ключевые слова: инвестиционная стратегия, промышленно развитые государства, международные экономические отношения, благоприятный инвестиционный климат.

Китай столкнулся с кратным увеличением количества международных договоров, касающихся инвестиционной проблематики; практически всем развивающимся государствам навязывались некие специальные принципы международного инвестиционного права; многие «пробелы» в регулировании восполнялись, исходя из интересов постиндустриальных государств, но без учета реальных национальных интересов того же Китая; фактически произошла интернационализация большого числа вопросов внутригосударственного характера и передача их под международно-правовое регулирование; развивающиеся государства явочным порядком «переключались» по ряду экономических аспектов с двустороннего регулирования на многостороннее. К тому же, в качестве организационной основы международной инвестиционной деятельности ключевую роль в XXI в. стали играть такие международные экономические и финансовые институты как ВТО, МВФ, Мировой Банк и МБРР.

В качестве примера китайское руководство часто приводит механизм проталкивания западными странами необходимых согласованных решений по схеме: если таковые не удастся реализовать в рамках процедур ООН, их выработка переносится в ОЭСР либо в МВФ¹. В конечном счете, всегда принимаются и исполняются те из них, что в наибольшей степени удовлетворяют интересы группы развитых государств. В Китае полагают, что в реальности заметно искажается баланс глобальных интересов и распределе-

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 124-08-28.

ние выгод оказывается несправедливым. А главное, — не соответствующим нынешней расстановке сил на мировых финансовых рынках, где КНР уверенно продолжает наращивать свою инвестиционную активность.

Еще древнеримский государственный деятель и философ Марк Туллий Цицерон утверждал: «Мировой организм есть неразрывное целое»². Пожалуй, ни в какой другой сфере международного общения названная старая истина не является сегодня столь очевидной как в финансах. Международная финансовая система представляет собой «кровеносную систему» всей мировой экономики; именно в ней особенно жестко сталкиваются национальные и групповые интересы отдельных государств и контролируемых ими организаций. Эти интересы, считает Пекин, в последнее время материализовались в нормы международного финансового и инвестиционного права, превратившись в инструмент глобальной стратегии и политики ведущих постиндустриальных стран, в универсальный механизм поддержания желанного для них правопорядка, весьма далекого от общепринятого восприятия справедливости.

Таблица 1.

**Прямые зарубежные инвестиции ЕС, США, Японии, КНР
в 2003–2008 гг. (млрд.долл.)**

Годы	2003	2004	2005	2006	2007	2008
ЕС	285,0	377,3	609,7	697,2	1.192,1	837,0
доля в мире (%)	50,6	40,6	69,4	48,9	55,5	45,1
США	129,4	294,9	15,4	224,2	378,4	311,8
доля в мире (%)	23,0	31,7	1,8	16,0	17,6	16,8
Япония	28,8	31,0	45,8	50,3	73,5	128,0
доля в мире (%)	5,1	3,3	5,2	3,6	3,4	6,9
КНР	2,9	5,5	12,3	21,2	22,5	52,2
доля в мире (%)	0,5	0,6	1,4	1,5	1,0	2,8
Мир в целом	563,4	929,6	879,0	1 396,9	2 146,5	1 857,7

Источник: UNCTAD: доклад за 2009 г.

В Китае считают, что сложившийся миропорядок объективно не способен регулировать международные экономические отношения, особенно в части, касающейся международной инвестиционной активности. В связи с этим, как отмечают китайские специалисты, важно — осмыслить природу инвестиционной деятельности, осуществляемой на территории иного государства³. Правовой режим иностранных инвестиций устанавливается принимающим государством в соответствии с национальным законодательством, которое в то же время не должно противоречить нормам международного инвестиционного права. Именно проблема соотношения норм международного и национального права по защите иностранных инвестиций и является одной из ключевых. Хотя иностранные инвестиции находятся под защитой международного права, государства-реципиенты, как свидетельствует мировая практика (в том числе и практика Китая), не всегда их соблюдают.

В связи с этим возникает весьма важный вопрос относительно роли государства и права в реализации национальной инвестиционной стратегии. Иностранный инвестор всегда стремится получить госгарантии стабильности правового режима в вопросах неприкосновенности частной собственности, налогообложения, деятельности акционерных и смешанных обществ. В большинстве случаев организационно-правовой формой создаваемого инвестором предприятия является акционерное или смешанное общество. КНР

на собственном опыте знает, как могут сдерживать приток иностранных инвестиций недоработки и двусмысленности в национальном правовом регулировании⁴. Ситуацию не спасает даже разумно разработанное инвестиционное законодательство, поскольку иностранный инвестор изначально должен знать стратегическую логику экономического развития государства, на территории которого осуществляет капиталовложения.

Государственное право невозможно понять вне знания природы конкретного государства (в нашем случае Китая) и присущей ему формы общественной жизни. Сущностью национального государства всегда является традиционный механизм реализации власти. Известен постулат, согласно которому государство не создается, а складывается в рамках осознаваемой законности⁵. Государство есть форма самоорганизации общества, существующая в отчужденном от общества виде.

Осмысление вышеназванных категорий во всей своей полноте встало в межкризисный период перед четвертым поколением китайских руководителей. Кризисные противоречия воспринимались в КНР как некая стихия и рассматривались как объективная реальность, с которой необходимо считаться, но которую ни в коем случае не следует понимать в качестве случайного несчастья и уж тем более не как чье-то умышленное наказание. Как главный тренд в Китае в межкризисный период формировалось понимание, что основной акцент следует делать на постоянном совершенствовании системы государственного управления социальной организацией общества на базе принципов гармонии, согласованности и непротиворечивости. Китайскому руководству было очевидно, что подобная система не очень мобильна и явно не поспевает за реальностью, на которую направлены усилия, но она, тем не менее, всегда поддерживала устойчивость всей государственной конструкции, особенно в инвестиционной сфере, и даже давала возможность отвечать на актуальные запросы вновь возникавших общественных отношений. В подобных условиях заметно укрепилась мощная тенденция к достижению в КНР самодостаточности государства, позволяющей привлекать значительные инвестиционные ресурсы.

Таблица 2.

Прямые иностранные инвестиции в КНР (млн.долл.)

Страна/ район	Инвест- Проекты	Объемы инвести- ций	Доля инвести- ций (%)	Кон- трактная цена ино- инвестора	Доля Иностр. капита- ла(%)	Реальные Ино инвести- ции	Их доля (%)
Всего	34,171	30,72		8.276,833		5.274,286	
Сянган	10,845	35,43	31,74	2.520,183	30,45	1.786,093	33,86
Тайвань	4,853	15,16	14,2	674,084	8,14	397,064	7,53
США	3,363	29,05	9,84	815,643	8,54	542,392	22,35
Япония	2,745	35,96	8,03	529,804	6,4	419,009	7,94
Юж.Корея	4,008	37,78	11,73	528,222	6,38	272,073	5,16
ЕС	1,486	22,41	4,35	450,693	5,45	370,982	7,03

Источник: Министерство торговли КНР, 2005 г.

Государство может быть правовым, социальным и т.д., в Китае же оно, к тому же, всегда должно быть разумным⁶. Центральным компонентом «разумного государства» выступает право, то есть некая культурная традиция, позволяющая отсекай постоянно возникающие экономические крайности. В китайском варианте связь государства и права достаточно специфична. В кризисные периоды оно представляет собой материализацию *ad hoc* (т.е. на данный конкретный случай), но не права, а власти, которую трудно по-

нять, не обращаясь к традиционной природе права. Под воздействием кризиса китайское государство постепенно становилось одной из форм этого естественного права как элемента действительности, создавая при этом некий юридический продукт в виде принятия самых неотложных законов, оформляющих движение финансовых потоков, включая прямые иностранные инвестиции.

В любом государстве (и Китай здесь не исключение) требование экономического развития становится правом только тогда, когда государство намерено взамен получать строго регламентированные обязанности со стороны различных действующих экономических субъектов. Государство как бы дарует права, но в ответ надеется получить не стихийную реализацию этих прав, а правомерное поведение экономических субъектов. Что касается реализации права, то с точки зрения теории это совсем другой процесс, связанный не с предоставлением права, а с правомерным исполнением сопровождающих это право обязанностей. Необходимо всегда различать, чье право поставлено во главу угла, на что это право направлено, по отношению к кому применяется, на кого рассчитано, ради чего вообще возникло. Всегда важен конкретный адресат любого права, ибо понять, что такое право, можно только тогда, когда ясно осознаваемы сущность и природа государства.

Таблица 3.

Китайские прямые инвестиции по странам и регионам 2003–2006 гг. (%)

Страна/Регион	2003	2004	2005	2006
ВСЕГО	100,0	100,0	100,0	100,0
Азия	80,1	74,8	71,6	63,9
<i>Сянган</i>	74,1	67,9	63,8	56,3
Аомынь	1,3	1,4	1,0	0,8
Япония	0,3	0,3	0,3	0,3
Южная Корея	0,7	1,3	1,5	1,3
Индонезия	0,2	0,3	0,2	0,3
Малайзия	0,3	0,3	0,3	0,3
Сингапур	0,5	0,5	0,6	0,6
Тайланд	0,5	0,4	0,4	0,3
Вьетнам	0,1	0,4	0,4	0,3
Монголия	0,0	0,2	0,2	0,4
Ирак	1,3	1,0	0,8	0,6
Африка	1,5	2,0	2,8	3,4
Европа	1,5	1,5	2,2	3,0
Россия	0,2	0,3	0,8	1,2
Латинская Америка	13,9	18,5	20,0	26,3
<i>Виргинские острова</i>	1,6	2,4	3,5	6,3
<i>Каймановы острова</i>	11,1	14,9	15,6	18,9
Северная Америка	1,7	2,0	2,2	2,1
Бермуды	0,0	0,4	0,6	0,3
США	1,5	1,5	1,4	1,6
Океания	1,4	1,2	1,1	1,3

Источник: MOFCOM, UNCTAD 2007.

В межкризисный период руководство КНР настойчиво стремилось в максимальной степени свести роль государства в общественной жизни страны к прямой зависимо-

сти от воспринимаемости населением формального права, но не наоборот, воспринимаемости государством чаяний населения. Иными словами, право государства было доведено до важной стадии: чем сложнее становилась экономическая реальность, тем разнообразнее формировались отношения между субъектами внутреннего и внешнего рынков и тем значимее становились функции государственного управления, без которых национальная экономика Китая уже не могла в принципе развиваться. Приоритет государства по отношению к его же, государства, праву вылился в постановку вопроса о некой первичности в рамках соотношения «аргумент-функция» государственного законодательства или реальной экономической жизни. Если национальная инвестиционная стратегия КНР в период между двумя финансовыми кризисами представляла собой некий аргумент в пользу легитимации суверенной внешней политики, то функцией названной внешней политики стала концепция правового государства в традиционном китайском его понимании. То есть, налицо не что иное, как современная интерпретация древнего легистского учения⁷. Таким образом, можно констатировать, что государство приемлет форму права, которое позитивно обслуживает само государство.

В Китае постоянно подчеркивают, что распространяемые на Западе суждения о правовом государстве — это всего лишь миф и подмена понятий. Конечно, имеются формальные и содержательные признаки правового государства в его западном понимании, в частности, разделение властей. Содержание разделения властей есть их равносильность, которой предусмотрено господство права, характеризующееся в свою очередь подлинностью права. Никакое китайское руководство никогда не сможет смириться с тем, что правовое государство на западный манер должно ограничивать политическую власть. Это противоречит легистскому пониманию эффективности правовой формы на уровне повседневной экономической жизни.

Движение капиталов в понимании иностранного инвестора всегда должно сопровождаться правовыми гарантиями со стороны государства-реципиента, обеспечивающими возможность быстро разрешать хозяйственные споры между юридическими и физическими лицами любых стран, могущие возникать по поводу, например, национализации или других вариантов скрытого принудительного изъятия иностранной собственности. В данном контексте китайское правительство постоянно заявляет, что руководствуется известной и общепринятой в теории и практике международного инвестиционного права формулой Халла («о быстрой, адекватной и эффективной компенсации»)⁸ в случае национализации иностранной собственности. Однако, упомянутая формула до сих так и не принята в КНР, оставляя реальную возможность для многочисленных злоупотреблений на местном уровне. Вместе с тем, законодательство Китая, как страны-реципиента, охватывает в сфере правового регулирования иностранных инвестиций большой перечень законодательных актов, содержащих принципиальные положения о собственности, ее возможных ограничениях, о национализации и способах компенсации за национализированное имущество. Китайские эксперты утверждают, что весь названный комплекс законов и подзаконных актов, прямо или косвенно регулирующих иностранные инвестиции, не противоречат нормам международного права в целом, к нормам международного инвестиционного права, в частности⁹.

Как показывает китайский опыт привлечения иностранных инвестиций в межкризисный период 1998–2008 гг., изначально правительство КНР устанавливало иностранным гражданам и компаниям ряд существенных нетаможенных барьеров в ведении инвестиционной деятельности на китайской территории. Причинами того, почему Китай как государство-реципиент столь неохотно предоставляло иностранным инвесторам равные с местными предпринимателями условия, таились в ряде объективных факторов. В

частности, правительство КНР заметно опасалось активного привлечения иностранных капиталовложений в те отрасли национальной экономики, которые имели значение для национальной безопасности или составляли ее основу. В отдельных случаях китайское правительство даже вводило в действие протекционистскую политику, стремясь защитить национальный оборонный комплекс от проникновения иностранного капитала. Китайские власти разработали и установили ограничения и особые условия допуска прямых иностранных инвестиций в ряд отраслей национальной экономики, от которых зависела конкурентоспособность базовых производств¹⁰.

В силу данных обстоятельств китайская сторона, подписывая отдельные двусторонние соглашения о поощрении и защите зарубежных инвестиций, упорно отказывалась гарантировать иностранному инвестору абсолютное право осуществлять инвестиции по его собственному усмотрению. Принципиальное значение для правительства КНР в данном вопросе всегда имеет прямой отказ от соблюдения универсальных норм международного инвестиционного права в пользу национального законодательства, непосредственно регулирующего порядок допуска иностранных инвестиций. Например, закон Китая об «иностранных инвестициях» прямо обязывает китайские компании заключать инвестиционные соглашения с иностранными партнерами исключительно на условиях допуска зарубежных капиталовложений в соответствии с законодательством КНР¹¹. Особого внимания заслуживает проблема запретов, вводимых китайским правительством на осуществление иностранных инвестиций в некоторых сферах экономической деятельности. Китайские власти в таких случаях ссылаются на существующую международно-правовую практику, уделяя прежде всего пристальное внимание промыслу и добыче ресурсов в национальных территориальных водах, в экономической зоне, а также проведению исследований, геологической разведки, иных работ на континентальном шельфе.

В перечнях к договорам КНР с иностранными государствами о взаимной защите капиталовложений указаны отрасли и виды деятельности, в которых могут устанавливаться ограничения для иностранных инвесторов. В приложениях к инвестиционным соглашениям китайская сторона всегда оставляет за собой право вносить изъятия из национального режима в таких отраслях или сферах деятельности как: производство электроэнергии (в том числе на атомных и всех иных электростанциях, входящих в единую национальную систему); производство урана и других делящихся материалов и изделий из них; собственность на землю, пользование недрами и природными ресурсами; промысловое морское рыболовство; строительство, установка и эксплуатация средств связи; собственность на недвижимое имущество и осуществление посреднических операций с ним; добыча и переработка руд драгоценных металлов, редкоземельных элементов и драгоценных камней (включая необработанные); воздушный транспорт, морское и речное судоходство, обслуживание этих видов транспорта; государственные займы (кредиты); государственные дотации (субсидии); банковская деятельность; посреднические операции с ценными бумагами и валютными ценностями и связанными с ними услуги; собственность на государственные ценные бумаги; приобретение государственной и муниципальной собственности в процессе приватизации; страхование; средства массовой информации; частная детективная и охранный деятельность¹². Кроме того, законодательство Китая требует, чтобы иностранные инвестиции были одобрены соответствующими правительственными органами, а сам процесс одобрения соответствовал бы определенным требованиям. В противном случае данные инвестиции не подлежат государственной защите со стороны правительства КНР. Таким образом, китайская национальная система

контроля за допуском иностранных инвестиций проводит четкое различие между одобренными и иными вложениями иностранных капиталов.

Китай фактически требует прохождения процедуры получения одобрения для всех иностранных инвестиций, тогда как другие страны (например, Сингапур) проводят для них политику «открытых дверей»; но те инвестиции, что получили официальное одобрение государства, вправе рассчитывать на специальные льготы и привилегии. В большинстве случаев процедура дачи одобрения иностранным инвестициям направлена на то, чтобы привлекать преимущественно те из них, что приносят очевидную выгоду Китаю и отвечают всем предъявляемым им условиям. В Китае правовые проблемы возникают, в частности, когда правительство КНР лишает инвестиции статуса одобренных вследствие неисполнения каких-либо условий, причем данное правило распространяется не только на иностранных но и на национальных инвесторов. Такая особенность отчетливо видна в договорной практике КНР в свободных экономических зонах, в Сянганском и Аомыньском особых административных районах, где все инвестиционные соглашения содержат специальные положения, ограничивающие предоставление правовой защиты инвестициям, не получившим письменного одобрения местных властей¹³.

Китайские власти считают, что международные договоры в сфере иностранных инвестиций предназначены для обеспечения международно-правовой защиты, прежде всего от некоммерческих рисков. Устанавливая ясные, доступные и эффективно реализуемые правила, улучшающие инвестиционный климат, в КНР рассчитывают укрепить доверие со стороны зарубежных инвесторов, что выступает существенным стимулом для иностранных капиталовложений, поощряет инвестирование крупных финансовых ресурсов на китайский рынок, создает устойчивые предпосылки для привлечения высоких технологий, овладения уникальными ноу-хау, а также современными методами управления производством. Китай постоянно совершенствует свое инвестиционное законодательство, внося в него следующие важные положения:

- обеспечивать и поощрять допуск на территорию КНР любых прямых капиталовложений;
- гарантировать иностранным инвесторам высокие международные стандарты деятельности, включая справедливое, равноправное и недискриминационное обращение, подразумевающее режим наибольшего благоприятствования, а в отдельных случаях национальный режим;
- обеспечивать правовую защиту и гарантии для инвестиций в рамках общепризнанных норм международного права, особенно в отношении перевода фондов, их возможной экспроприации, включая стандарты компенсации, которую необходимо выплатить, и тем самым существенно сократить вероятность произвольной национализации;
- гарантировать доступ к международным средствам разрешения инвестиционных споров на случай их возникновения;
- создавать благоприятные условия страхования политических рисков, что должно приводить к сокращению страховых взносов;
- обеспечивать защиту интеллектуальной собственности, в особенности в сфере высоких технологий, патентной защиты и защиты авторского права.

В межкризисный период 1998–2008 гг. руководство КНР заметно изменило приоритеты национальной инвестиционной политики. Предпочтение стало отдаваться масштабным капиталовложениям в сектор реального производства. При этом основные объемы инвестиций были переориентированы на приобретение крупных сырьевых активов за рубежом в развивающихся странах. Подобные решения только на первый взгляд выглядят непоследовательными, поскольку в начале XXI в. Китай стал позиционировать

себя как растущего потенциального поставщика долларовой ликвидности на мировые финансовые рынки. Но последующие события показали, что КНР оказалась неготовой к роли стабилизатора обострившейся ситуации и не смогла купировать последствия глобального ипотечного кризиса.

Крупнейший китайский государственный инвестиционный фонд «Китайская инвестиционная корпорация (China Investment Corporation, CIC) намеревалась направить на инвестирование зарубежных проектов не менее трети от своего уставного капитала, составлявшего на начало 2007 г. более 200 млрд долл. Во второй половине 2007 г. CIC вложила 3 млрд долл. в покупку акций крупной частной американской инвестиционной компании Blackstone Group, а затем приобрела за 5 млрд долл. 9,9% акций банка Morgan Stanley. Однако, в 2009 г. курс акций названных финансовых институтов США снизился на 83% и 76% соответственно, что во многом обусловило глубокое недоверие, которое до сих пор питают к китайским предпринимателям консервативные финансовые элиты Запада. Так, Германия специально создала агентство по защите собственной промышленности от ее недружественного поглощения суверенными фондами развивающихся стран (прежде всего, Китая). Соединенные Штаты значительно ужесточили мониторинг поступающих на их территорию зарубежных инвестиций — даже несмотря на то, что их экономика крайне нуждается в поддержании ликвидности.

Таблица 4.

Китайский «критический» импорт

Актив	Объем (млн тонн)	Рост к 2007 г. (%)	Стоимость (млрд долл.)	Рост к 2007 г. (%)
Сырая нефть	178,88	9,6	129,3	62,0
Железная руда	443,56	15,9	60,5	79,1
Пластик	17,71	-6,7	34,1	5,3
Очищенные нефтепродукты	38,85	15,0	30,0	82,7
Прокатная сталь	15,43	-8,6	23,4	14,0
Соя	37,44	21,5	21,8	90,1
Медь и медные сплавы	2,64	-5,1	19,2	-2,3
Пищевое растительное масло	8,16	-2,6	9,0	-2,3
Целлюлоза для производства бумаги	9,52	12,4	6,7	20,9
Натуральный каучук (включая латекс)	1,68	2,0	4,3	32,0
Синтетический каучук (включая латекс)	1,20	-15,0	3,3	17,5
Оксид алюминия	4,59	-10,5	1,8	-9,7
Зерно и мука	1,54	-1,0	0,7	37,0

Источник: «2008 nian guomin jinji he shehui fazhan tongji gongbao» (Итоговый статистический доклад об экономическом и социальном развитии КНР за 2008 г.). Государственное статистическое управление КНР. 26.02.2009. www.stats.gov.cn

Ситуация в корне изменилась с началом 2011 г., когда, по признанию специалистов, китайские деньги перестали казаться опасными, особенно на фоне агрессивности ближневосточных нефтедолларов¹⁴. Кроме того, на сегодняшний день инвестиции из КНР стали более разнообразными и даже весьма изощренными. Главная их цель — вы-

ведение излишних финансовых активов с внутреннего рынка, что понижает растущее инфляционное давление в китайской экономике. Сегодня интерес китайских инвесторов направлен на высокотехнологичные сектора промышленно развитых стран. В 2011 г. Китай заметно активизировал инвестиционную активность в нефинансовых сегментах международного рынка, сосредоточившись на приобретении «известных брэндов» с продолжительной историей развития; на эти цели было затрачено более 100 млрд. долл.¹⁵.

Китай стал обладателем крупнейших в мире золотовалютных резервов. В 2008 г. их объем составил 1,95 трлн. долл., превысив на 27,3% уровень 2007 г. Руководство КНР убеждено, что страна должна использовать свои огромные золотовалютные резервы для приобретения ресурсов за рубежом. Правда, здесь необходимо отметить важный фактор — Китай стремится приобрести такие инвестиционные сырьевые активы, которые, как правило, недооценены. Китайская сторона постоянно нацелена на то, чтобы в любой момент воспользоваться обвалом мировых цен на сырье.

Основные интересы КНР в приобретении сырьевых активов за рубежом можно проследить на основе ключевых статей импорта в 2008 г.

Из таблицы видно, что на первом месте — сырая нефть, а также очищенные нефтепродукты, расположенные на четвертой позиции. Это полностью соответствует инвестиционной стратегии КНР. Суть вопроса — что Китай, занимая второе после США место по потреблению нефти, около половины этого вида энергоресурсов получает за счет импорта. Так, в 2008 г. КНР из собственных месторождений получила 190 млн т нефти, в то время как импорт составил 178,88 млн т. Приобретение указанного энергоносителя обошлось Китаю в 129,3 млрд долл., или на 62% больше, чем в 2007 г. Кроме того, около 30 млрд долл. было потрачено на очищенные нефтепродукты.

В процессе наращивания инвестиционного присутствия на мировом энергетическом рынке КНР в 2009 г. заключила долгосрочные контракты с ведущими мировыми экспортерами нефти, такими как: Объединенные Арабские Эмираты (контракт на проектирование и строительство нефтепровода на сумму 3,29 млрд долл.), Ирак (капиталовложения в нефтяное месторождение Эхадебу на общую сумму до 3 млрд долл.) и Иран (капиталовложения в нефтяное месторождение Азадеган на общую сумму около 1,76 млрд долл.). Востребованы для Китая и железная руда, цветные металлы. Особое внимание привлек проект ведущей китайской металлургической компании Chinalco по приобретению части активов одной из крупнейших горнодобывающих компаний мира Rio Tinto. Названная сделка оценивается в 19,5 млрд долл. Это на сегодня самые масштабные инвестиции КНР в зарубежные активы.

Можно уверенно констатировать, что Китай проводит устойчивую долговременную политику по приобретению за рубежом серьезных стратегических сырьевых активов. Это происходит на фоне амбициозных планов Пекина по превращению КНР в мощный центр силы не только регионального, но и глобального уровня. По оценкам международных экспертов, уверенное сочетание экономических и политических рычагов позволяет китайскому руководству добиваться заметных успехов в реализации поставленных внешнеполитических целей, что в свою очередь позитивно влияет на сбалансированность национальной экономики, ее устойчивости.

-
1. UNCTAD. World investment report. Global development of finance 2009. Washington, DC: World Bank.
 2. Гаспаров М.Л. Цицерон и античная риторика // *Марк Туллий Цицерон*. Три трактата об ораторском искусстве. М., 2008. С. 7–74.

3. *Куга Юми*. Тюгоку но хаттэн сэньяку [Стратегия развития Китая] // Адзиа Кэнкю. 2009. Т. 55, № 4. С. 42.
4. *Gu Angang*. Zhongguo — Dongya: Tihua xinzhanlue [Китай и Восточная Азия: воплощение новой стратегии] // Hanzhou: Zhejian renmin chubanshe. 2005. P. 248–271.
5. *Харада Кэйдзо*. Сэнякутэки сико [Стратегическое мышление] // Иванами сюппан. Токио, 2001. С. 22.
6. *Johnston Alastair I*. Is China a Status Quo State? // International Security. 2003. Vol. 27, No. 4. P. 30.
7. *Rozman G.* The Curse of China's Identity Fixation // The Diplomat. Tokyo, 2012. 9 March.
8. *Фурусава К.* Тюгоку но кэйдзай хаттэн [Экономическое развитие Китая] // Айти дайгаку сюппанся, 2006. С. 38.
9. *Гудошников Л.М.* Современное законодательство КНР // Сборник нормативных актов. М.: Зерцало, 2004.
10. Нихон гаймусё: кайхацу сикин кокусай кайги [МИД Японии: международная конференция по развитию финансов]. Токио, 29.11. — 02.12.2008. Основные положения заключительного документа.
11. *У Цюаньлэй*. Соотношение международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР // Евразийский юридический журнал. 2008. № 4 (6). С. 72–79.
12. Закон КНР «О совместных акционерных предприятиях» (Действует в редакции, принятой на 4-й сессии Постоянного Комитета ВСНП 9-го созыва 15 марта 2000 года).
13. *Исида Осаму*. Тюгоку но тайгай кэйдзай хаттэн сэньяку [Стратегия развития внешнеэкономической деятельности Китая] // Цукуба дайгаку сюппанся, 2007. С. 35–47.
14. *Liu Jiangyong*. Some Tentative Strategic Thoughts on Establishing an East Asian Security Community // Waijiao Shiwu. Beijing, 2004. № 17, March. P. 35–36.
15. China crisis // The Daily Beast. Washington D.C., 2012. 7 May.